

Настоящее художественное произведение основано на исторических фактах, о которых автор рассказывает в послесловии.

Как и в других произведениях художественной литературы, наблюдения и выводы здесь основаны на реальном опыте, однако все имена, персонажи, места и события либо являются плодом воображения автора, либо используются в художественных целях.

Посвящается Деде

Памяти

ПАТРИЯ МЕРСЕДЕС МИРАБАЛЬ
27 февраля 1924 г. — 25 ноября 1960 г.

МИНЕРВА МИРАБАЛЬ
12 марта 1926 г. — 25 ноября 1960 г.

МАРИЯ ТЕРЕСА МИРАБАЛЬ
15 октября 1935 г. — 25 ноября 1960 г.

РУФИНО ДЕ ЛА КРУС
16 ноября 1923 г. — 25 ноября 1960 г.

I

1938–1946 годы

Глава 1

Деде

1994 год
и
около 1943 года

Деде обрезает сухие ветки с куста стрелиции, выглядывая из-за него каждый раз, когда слышит шум проезжающей машины. Никогда в жизни эта дамочка не найдет старый дом за высокой живой изгородью из гибискуса на повороте грунтовой дороги! Кто угодно, только не доминиканка-гринго*, которая разъезжает в арендованной машине, ориентируясь по карте и спрашивая у прохожих названия улиц.

Она позвонила сегодня утром, когда Деде была в своем небольшом музее. Дамочка интересовалась: можно ли ей приехать и поговорить с Деде о сестрах Мирабаль? Сама она родилась в Доминикане, но много лет живет в Штатах, поэтому извиняется за плохой испанский. О сестрах Мирабаль там совсем ничего не знают, и ей от этого очень горько, мол, попросту преступно их забывать, ведь они настоящие героини подполья, и всё такое.

* Гринго (англ. gringo от исп. griego — грек) — иностранец, англо-говорящий выходец из другой страны в странах Латинской Америки. — Здесь и далее прим. пер.

Бог ты мой, — думает Деде, — неужели опять? Теперь, спустя тридцать четыре года после трагедии, ее уже почти не тревожили мемориальными торжествами, интервью и вручением посмертных наград, и она снова могла день за днем заниматься своими делами. Ей пришлось смириться только с ноябрьской суетой. Каждый год с приближением 25 ноября сюда неизменно съезжались телевизионщики, Деде всенепременно давала очередное интервью, а потом обязательно устраивала памятный вечер в музее, где собирались делегации из самых разных стран, вплоть до Перу и Парагвая, — настояще испытание, ведь каждый раз нужно готовить целые горы канапе, а племянники и племянницы вовсе не спешат приехать пораньше, чтобы ей помочь. Но сейчас-то март! *i María Santísima!** Неужели она не имеет права пожить спокойно еще семь месяцев?

— Давайте сегодня после обеда? Вечером у меня дела, — врет Деде женщине в трубке. Но это вынужденная ложь. Иначе они повадятся ездить к ней без конца и края, задавая самые бесцеремонные вопросы.

На другом конце провода, как из пулемета, раздается целая очередь благодарностей, и Деде невольно улыбается от того, какую чепуху ее собеседница городит на испанском.

— Я так скомпрометирована, — говорит она, — открытостью ваших теплых манер! Скажите, если я поеду из Сантьяго, мне нужно пропустить поворот на Сальседо?

— *Exactamente***. А как доберетесь до большой мексиканской оливы, поверните налево.

* Пресвятая Мария! (исп.)

** Точно, именно так (исп.).

— Большая… мексиканская… олива, — повторяет женщина. Она что, все это записывает? — Повернуть налево… А как улица называется?

— Просто дорога налево от оливы. Мы тут никак улицы не называем, — говорит Деде, принимаясь машинально что-то выводить на обратной стороне конверта у музейного телефона, чтобы сдержать нетерпение. У нее получается развесистое, усыпанное цветами дерево с ветками на клапане конверта. — Видите ли, большинство местных *campesinos** не умеют читать, так что никому не будет никакой пользы, если мы начнем давать улицам названия.

Женщина в трубке смущенно смеется.

— Да-да, я понимаю. Вы, наверное, думаете, что у меня не все по домам. *Tan afuera de la cosa***.

Деде прикусывает губу.

— Ну что вы, вовсе нет, — снова лукавит она. — Увидимся после обеда.

— Примерно в котором часу? — не унимается дамочка.

Ну, конечно. Гринго жить не могут без точного времени. Но как определить точное время для удачного момента?

— В любое время после трех, может, в полчетвертого или около четырех.

— По доминиканскому времени, да? — шутит женщина.

— *¡Exactamente!*

Наконец-то, дамочка начинает догадываться, как здесь делаются дела. Положив трубку, Деде продолжает рисовать

* селян (исп.).

** Нечто среднее между «выжить из ума» и «быть вне себя» (искаж. исп.).

корни мексиканской оливы, затушевывает ветки, а потом несколько раз открывает и закрывает клапан конверта, с интересом наблюдая, как дерево распадается на части и вновь складывается воедино.

*

Деде с удивлением слышит, как по радио на летней кухне передают время: сейчас всего три часа. Она начала с нетерпением ждать встречи сразу после обеда, тщательно прибирая участок сада, который будет виден американке с *galería**. Вот потому-то Деде и недолюбливает эти бесконечные интервью. Сама того не замечая, она каждый раз начинает приукрашать свою жизнь, будто какой-то выставочный экспонат, аккуратно подписанный для тех, кто умеет читать: «Сестра, которая выжила».

Обычно, если она все делает как надо — подает лимонад из плодов посаженного Патрией дерева, проводит короткую экскурсию по дому, в котором они с сестрами выросли, — гости уходят вполне довольными, не задавая острых вопросов, из-за которых Деде каждый раз на целые недели проваливается в воспоминания, пытаясь найти ответ. Ведь все они — в той или иной форме — об одном и том же: почему в живых осталась именно она?

Деде склоняется над своей особой гордостью, орхидеей-бабочкой, которую контрабандой привезла с Гавайских островов пару лет назад. Три года подряд она выигрывала приз — заграничную поездку — как лучший агент

* галереи (исп.).

страховой компании. Ее племянница Мину не упускала случая напомнить, насколько иронична «новая» профессия Деде, которую та освоила лет десять назад, сразу после развода. Теперь она стала в компании главным продавцом страхования жизни. Ничего не поделаешь, каждый хочет купить страховой полис именно у той женщины, которая чудом выжила, когда три ее сестры погибли.

Громко хлопает дверца машины, Деде вздрагивает. Переведя дух, она обнаруживает, что случайно срезала свою трофеиную орхидею-бабочку. Она поднимает упавший цветок и, нахмурившись, подрезает стебель. Возможно, это единственный способ оплакивать большие потери — пить печаль небольшими глотками, понемногу, по чуть-чуть.

Но ей-богу, этой дамочке стоило бы потише хлопать дверцей. Могла бы и пощадить нервы пожилой женщины. И это ведь не только ко мне относится, думает Деде. Любой доминиканец ее поколения подпрыгнул бы от такого оружейного хлопка.

*

Деде быстро показывает гостью дом: это спальня Патрии и ее, Деде, но в основном ее, поскольку Патрия рано выскочила замуж; здесь комнаты Минервы и Марии Тересы; тут спальня мамы. Еще одну спальню, о которой она не упоминает, занимал отец, с тех пор как они с мамой перестали спать вместе. На стене висят три милые старые фотографии девочек, которые теперь каждый ноябрь красуются на огромных постерах, превращая карточки из семейного

фотоальбома в изображения каких-то знаменитостей, совсем не похожих на ее сестер.

На столике под фотографиями Деде поставила в вазу шелковую орхидею. Ее все еще мучает совесть из-за того, что она не продолжает мамину традицию каждый день приносить в дом свежие цветы для девочек. По правде говоря, ей совсем не до этого: все время отнимают работа, музей, домашние дела. Невозможно быть современной женщиной и поддерживать сентиментальные привычки прошлого. Да и для кого теперь приносить в дом свежие орхидеи? Деде поднимает взгляд на молодые лица и понимает, что если и скучает, то больше всего — по себе в этом возрасте.

Интервьюерша останавливается перед портретами, и Деде ждет, когда она спросит, кто есть кто или сколько им здесь лет: она столько раз отвечала на эти вопросы, что ответы так и норовят сорваться с языка. Но вместо этого худая как щепка дамочка спрашивает:

— А где же вы?

Деде смущенно улыбается: гостья будто прочитала ее тайные мысли.

— Здесь у меня только девочки, — говорит она. За спиной у женщины она видит, что оставила дверь в свою теперешнюю комнату приоткрытой и в проеме видна ее ночная рубашка, небрежно брошенная на кровать. Деде корит себя, что не прошлась по всему дому и не позакрывала все двери.

— Нет, в смысле, какая вы по старшинству: младше всех, старше или где-то посередине?

Так, то есть дамочка не прочитала ни одной из кучи бесконечных статей и биографий. Деде вздыхает с облегчением. Это значит, что они могут провести время за разговорами

о самых простых вещах, создающих иллюзию, что у нее была обыкновенная семья, спокойное течение жизни которой нарушали разве что дни рождения, свадьбы да появление младенцев на свет.

Деде называет сестер по старшинству.

— Такие близкие по возрасту, — роняет женщина очередную неуклюжую фразу.

Деде кивает.

— Первые три из нас родились буквально друг за другом, но, знаете, при этом мы были очень разными.

— Правда? — удивляется женщина.

— Да, совсем разными. Минерва вечно норовила со всеми разобраться, кто прав, кто виноват. — Деде ловит себя на том, что разговаривает с портретом Минервы, будто назначая ей какую-то роль, ограничивая ее личность горсткой определений: красивая, умная, великодушная Минерва. — А Мария Тереса, ау Dios*, — вздыхает Деде и продолжает дрогнувшим голосом: — Она была совсем еще девочкой, когда умерла, pobrecita**, ей едва двадцать пять стукнуло. — Переходя к последней фотографии, Деде поправляет рамку. — А для милой Патрии самым главным в жизни всегда была религия.

— Всегда? — переспрашивает гостья с еле заметной тенью недоверия в голосе.

— Всегда, — твердо повторяет Деде, привыкшая к устоявшемуся, однообразному языку интервьюеров и прочих исследователей истории ее сестер. — Ну или почти всегда.

* о Боже (исп.).

** бедняжка (исп.).

Она ведет женщину из дома в галерею, где стоят кресла-качалки. Под гнутой ножкой одного из них безмятежно спит котенок, Деде прогоняет его.

— Так что же вы хотели узнать? — спрашивает она без лишних церемоний, но, заметив, что прямолинейность вопроса застает женщину врасплох, тут же добавляет: — Просто там столько всего можно рассказать.

Женщина, улыбаясь, отвечает:

— Расскажите мне всё!

Деде поглядывает на часы, вежливо напоминая гостье, что время ее визита ограничено.

— Есть масса книг и статей. Я могу попросить Тоно из музея показать вам письма и дневники.

— Это было бы здорово, — говорит женщина, не отрывая глаз от орхидеи, которую Деде все еще держит в руке. Очевидно, посетительнице нужно нечто большее. Она застенчиво поднимает глаза.

— Послушайте, с вами так легко разговаривать. Вы такая открытая и неунывающая! Как вам удается не позволять такой ужасной трагедии завладеть собой? Не уверена, что правильно выражаюсь...

Деде вздыхает. Нет, дамочка выразилась вполне себе правильно. Деде вспоминает, как читала в салоне красоты журнальную статью, написанную еврейкой, пережившей концлагерь.

— Дело в том, что у нас было много-много счастливых лет. Я их помню. Пытаюсь, во всяком случае. И постоянно твержу себе: Деде, думай о хорошем! Моя племянница

Мину считает, что я занимаюсь трансцендентальной медитацией — она на таких курсах учились в столице. Так вот, я себе говорю: Деде, в твоей памяти есть такой-то день — и проживаю его вновь и вновь, будто проигрываю на повторе счастливые моменты в голове. Это такое мое кино — видите, у меня и телевизора нет!

— И что, получается?

— Конечно! — решительно восклицает Деде. А когда не получается, Мину считает, что она, Деде, застrevает на чем-то плохом. Но зачем об этом говорить?

— Расскажите мне об одном из таких моментов, — просит женщина, и ее лицо озаряется отчаянным любопытством. Она тут же прячет взгляд, чтобы это скрыть.

Деде медлит в нерешительности, но ее мысли уже уносятся в прошлое, год за годом, год за годом, вплоть до того момента, который она закрепила в памяти как начало.

Деде вспоминает ясную лунную ночь накануне того, как наступило будущее. В прохладной темноте они сидят в креслах-качалках под мексиканской оливой во дворе дома и рассказывают друг другу истории, попивая сок гуанабаны. Мама всегда говорила, что он полезен для нервов.

Все в сборе: мама, папа, Патрия, Деде, Минерва, Мария Тереса. Пиф-паф, пиф-паф, — папа любит складывать из пальцев пистолет и в шутку направлять его на каждую из них, делая вид, будто стреляет, в знак того, что не особо гордится их зачатием. Три девчонки, родившиеся с разницей в год! А потом, девять лет спустя — Мария Тереса, его последняя отчаянная попытка зачать мальчика — и тоже неудачная.

У папы на ногах тапочки, он сидит, закинув ногу на ногу. Время от времени Деде слышит, как бутылка рома со звоном ударяется о край его стакана.

Нередко в такие вечера из темноты к ним обращается робкий голос, рассыпаясь в извинениях, и тот вечер не исключение. Не будут ли они так добры и не одолжат ли таблетку *calmante** для захворавшего ребенка? И не угосят ли табаком утомленного старика, что целый день перетирал юкку?

Отец встает, слегка покачиваясь от выпивки и усталости, и открывает магазин. Сосед уходит восвояси с лекарством, парой сигар и горсткой леденцов для крестников. Деде говорит отцу, что никак не возьмет в толк, отчего у них так хорошо идут дела, если он вечно все раздает направо и налево. Но отец лишь кладет руку ей на плечи и говорит:

— Ай, Деде, вот для этого я тебя и родил. Каждой мягкой ноге нужна твердая туфля. — И добавляет со смехом: — Она еще всех нас похоронит в шелках и перьях! — Деде снова слышит, как бутылка ударяется о стакан. — Да, точно, быть нашей Деде главной богачкой в семье.

— А мне, папа, мне кем быть? — Мария Тереса подает свой детский голосок, чтобы ее тоже непременно не забыли взять с собой в будущее.

— А ты, *mi niñapita***, ты будешь нашей кокеткой. Из-за тебя куча мужиков будет... — Мама издает свой фирменный кашель «следи-за-языком». — ...Будет слюнки пускать.

* болеутоляющего средства (исп.).

** моя малышка (исп.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru